Экзекватура по заявлению должника: новое явление в российской практике признания иностранных арбитражных решений

Щедрин Григорий Алексеевич
магистр Международно-правового института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), shhedrin_02@mail.ru

В статье исследуется процессуальное явление, зафиксированное определением Арбитражного суда Калининградской области от 28 мая 2026 года по делу № А21-4252/2026: с заявлением о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения обратился должник по этому решению, тогда как взыскатель возражал против рассмотрения заявления российским судом. Цель работы - установить, допустима ли инициатива должника в производстве по делам о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений и на каких условиях. Установлено, что Нью-Йоркская конвенция 1958 года не ограничивает круг заявителей фигурой взыскателя, относя вопросы процедуры к праву государства признания, тогда как российское регулирование содержит противоречие между частью 1 статьи 242 и частью 2 статьи 241 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Сравнительный анализ права Германии и США показывает, что праву ряда государств известно обращение в суд самой стороны, против которой вынесено арбитражное решение, однако такое обращение реализуется преимущественно в отрицательной форме - как требование установить, что решение не подлежит признанию. Показано, что отечественному правопорядку такая модель также известна: статья 245.1 названного Кодекса допускает возражения заинтересованного лица против признания решения, не требующего принудительного исполнения, и обязывает его обосновать нарушение этим решением своих прав и законных интересов. Сделан вывод о том, что недостающим элементом является не сам критерий законного интереса, а его распространение на решения, требующие принудительного исполнения. Предложено расширить предмет статьи 245.1 Кодекса и пересмотреть установленный ею месячный срок.

Ключевые слова: признание и приведение в исполнение, иностранное арбитражное решение, Нью-Йоркская конвенция 1958 года, экзекватура, должник по арбитражному решению, установление непризнания, законный интерес, публичный порядок, ограничительные меры.

Введение

Производство по признанию и приведению в исполнение иностранных арбитражных решений построено вокруг фигуры взыскателя. Именно он заинтересован в придании решению принудительной силы, именно ему адресованы статьи III и IV Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года [1] (далее - **Нью-Йоркская конвенция**), и именно он назван в части 1 статьи 242 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее - **АПК РФ**). Обратная конфигурация, при которой инициатива исходит от должника, а взыскатель ей противодействует, в отечественной процессуальной доктрине не рассматривалась. Между тем такая конфигурация возникла: определением Арбитражного суда Калининградской области от 28 мая 2026 года по делу № А21-4252/2026 [8] рассмотрено заявление должника о признании и приведении в исполнение двух решений Лондонского международного третейского суда (LCIA), вынесенных против него самого, при том что взыскатель заявил ходатайства об оставлении заявления без рассмотрения и о прекращении производства по делу.

Категория публичного порядка как основание отказа в признании исследована обстоятельно [15; 16; 17], процессуальные средства защиты лиц, находящихся под ограничительными мерами, получили освещение после введения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ [18]. Однако вопрос о круге лиц, управомоченных инициировать производство по главе 31 АПК РФ, самостоятельной разработки не получил, поскольку до недавнего времени не имел практического значения: в литературе он затрагивался лишь применительно к недопустимости обращения третьих лиц, не участвовавших в арбитраже [15, с. 283].

Цель работы - установить, допустима ли инициатива должника в таком производстве и при каких условиях. Задачи: реконструировать процессуальную конфигурацию дела; соотнести её с текстом Нью-Йоркской конвенции и АПК РФ; выявить зарубежные и отечественные аналоги; определить недостающий элемент российского регулирования. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и телеологический методы, а также метод анализа судебной практики.

1. Процессуальная конфигурация дела № А21-4252/2026

Компания группы «РУСАЛ» и немецкий банк, ранее входивший в группу Банка ВТБ, в 2019-2021 годах совершали сделки валютно-процентного свопа и валютных форвардов в рамках генерального соглашения по форме Международной ассоциации свопов и деривативов, исполнение обеспечивалось независимой гарантией МКПАО «Объединённая компания «РУСАЛ». После событий февраля - марта 2022 года взыскатель заявил о досрочном прекращении сделок, а состав арбитража LCIA решениями от 25 сентября 2024 года и от 29 августа 2025 года взыскал с основного должника и гаранта солидарно около 247,6 млн евро [8].

Мотив обращения должника носил не процессуальный, а административно-разрешительный характер. В силу Указов Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 95 [5] и от 4 мая 2022 года № 254 [6] исполнение обязательства перед иностранным кредитором из недружественного государства по общему правилу производится на счёт типа «С», а исполнение в обычном

порядке требует разрешения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций. Как следует из мотивировочной части определения, для получения такого разрешения требовалось представить информацию уполномоченных органов о том, что исполнение решений LCIA не противоречит законодательству Российской Федерации, а разрешение этого вопроса отнесено к компетенции арбитражных судов в рамках производства по главе 31 АПК РФ [8]. Должник, следовательно, обратился за судебным актом не ради принудительного исполнения, в котором против самого себя он объективно не заинтересован, а ради судебной оценки, необходимой для платежа в разрешительном порядке, дополнительным мотивом являлся риск двойного взыскания, поскольку платёж на счёт типа «С» мог быть не признан надлежащим исполнением по праву места арбитража.

Взыскатель против рассмотрения заявления возражал и заявил два ходатайства: об оставлении заявления без рассмотрения со ссылкой на арбитражную оговорку о передаче споров в арбитраж LCIA, и о прекращении производства по делу со ссылкой на то, что инициировать процедуру признания и исполнения вправе лишь лицо, в пользу которого решение вынесено. Оба ходатайства суд отклонил. Довод об арбитражной оговорке отклонён по тому основанию, что требование по делам о признании и приведении в исполнение основано на самих арбитражных решениях, а не на генеральном соглашении, а проверка решения на соответствие публичному порядку в силу части 1 статьи 241 АПК РФ отнесена к компетенции государственного суда. Довод об отсутствии у должника права на обращение отклонён со ссылкой на часть 2 статьи 241 АПК РФ и на отсутствие в Нью-Йоркской конвенции ограничения круга заявителей [8].

2. Круг управомоченных заявителей: конвенционное и национальное регулирование

Нью-Йоркская конвенция не содержит нормы о том, кто вправе инициировать производство. Согласно статье III Конвенции процедуру признания и приведения в исполнение относящихся к сфере её действия решений каждое участвующее государство устанавливает самостоятельно [15, с. 107]. Отсюда следует, что участвующим в Конвенции государствам разрешается устанавливать собственные процессуальные правила признания [15, с. 120]. Статья IV, перечисляя документы, представляемые стороной, испрашивающей признание и приведение в исполнение, описывает лишь процессуальное положение заявителя, но не его связь с резолютивной частью решения. Конвенция определяет, при каких условиях решение признаётся, но не то, кто вправе просить о признании; последнее оставлено национальному праву.

Внутреннее российское регулирование, напротив, содержит текстуальное противоречие. Часть 1 статьи 242 АПК РФ предусматривает, что заявление подаётся стороной, в пользу которой принято решение, прямо обозначая её как взыскателя. Часть 2 статьи 241 АПК РФ формулирует правило иначе: вопросы признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения разрешаются арбитражным судом по заявлению стороны в споре, рассмотренном иностранным судом, или стороны третейского разбирательства. Вторая формула шире первой и охватывает обе стороны разбирательства независимо от исхода дела.

Доктринальная поддержка такого прочтения обнаруживается в комментарии Б.Р. Карабельникова: толкуя часть 2 статьи 241 АПК РФ, автор указывает, что правом на обращение с заявлением о признании и приведении в исполнение решения иностранного арбитража обладает только сторона арбитражного разбирательства, и выводит отсюда невозможность обращения третьих лиц, в арбитраже не участвовавших, даже если они аффилированы со стороной [15, с. 283]. Ограничительный вывод сделан относительно лиц, посторонних разбирательству, но не относительно его стороны, проигравшей спор: критерием выступает участие в арбитраже, а не исход дела. Тот же автор относит к очевидным недостаткам юридической техники статьи 242 АПК РФ смысловые коллизии между её частями [15, с. 283], что подтверждает: названная статья не рассчитывалась как норма, определяющая круг управомоченных заявителей.

Суд разрешил коллизию в пользу части 2 статьи 241 АПК РФ, дополнительно указав на отсутствие прямого запрета [8]. Такое толкование не произвольно: часть 2 статьи 241 АПК РФ помещена в статью о компетенции, тогда как часть 1 статьи 242 АПК РФ регулирует порядок подачи и подсудность, что позволяет рассматривать первую норму как определяющую предпосылки права на обращение, а вторую - как процедурную. Показательно, что законодательство ряда государств решает этот вопрос прямо и в пользу широкого подхода: § 207 раздела 9 Свода законов США предусматривает, что в течение трёх лет с момента вынесения подпадающего под Конвенцию решения любая сторона арбитража вправе обратиться в суд за приказом о подтверждении решения против любой другой стороны арбитража; аналогичная формула использована в § 9 того же раздела применительно к внутренним решениям [11]. Американский законодатель, следовательно, сознательно не связал право на обращение с исходом разбирательства.

3. Обращение должника в зарубежных правопорядках

Германия. Наиболее развитая модель сложилась в германском праве. Абзац второй § 1061 Гражданского процессуального уложения (Zivilprozessordnung, далее – «**Уложение**») устанавливает, что при отказе в объявлении решения исполнимым суд констатирует, что решение не подлежит признанию на территории страны [9]. Определением от «09» марта 2023 года по делу I ZB 33/22 Федеральный верховный суд Германии признал за должником право самостоятельно заявить требование об установлении непризнания иностранного арбитражного решения по аналогии с абзацем вторым § 1061 и вариантом вторым пункта 4 абзаца первого § 1062 Уложения, причём до возбуждения взыскателем производства об объявлении решения исполнимым [10].

Обстоятельства дела показательны. Предметом проверки было вынесенное в Москве арбитражное решение о солидарном взыскании около 49 млн евро с четырёх компаний германской группы; после безуспешных попыток отменить его в Российской Федерации должники обратились в Высший земельный суд Кобленца с отрицательным требованием. Суд первой инстанции отказал, рассуждая так, как рассуждает и российский правопорядок: десятая книга Уложения как lex fori знает лишь позитивное экзекватурное производство для выигравшей стороны, а компетенция на производство с обратным рубрумом (Verfahren umgekehrten Rubrums) не открыта [10].

Федеральный верховный суд счёл, что пробел возник помимо воли законодателя. До реформы 1997 года абзац третий § 1044 Уложения в прежней редакции прямо предусматривал, что вместо отмены иностранного решения суд констатирует его непризнание внутри страны, и должник добивался этого обычным иском об установлении. Реформа изменила лишь процессуальную форму: такие дела перешли к высшим земельным судам и стали рассматриваться в форме определения, из-за чего прежний иск оказался неуместен. Само средство законодатель

не отменял - абзац второй § 1061 повторяет прежнюю норму [10]. Необходимость такого средства суд вывел из конституционной гарантии эффективной судебной защиты: сторона, проигравшая иностранный арбитраж, должна располагать способом выяснить, признаётся ли решение в стране, где находится её имущество. Указать ей на возможность отмены решения в государстве места арбитража недостаточно: если требование об отмене там отклонено, интерес должника сохраняется, поскольку отказное решение иностранного суда преклюзивного действия не имеет и те же основания должник вправе привести в германском суде заново. Сроком заявление не ограничено - иначе должнику пришлось бы обращаться в суд, не дожидаясь исхода производства об отмене за границей [10].

США. Помимо приведённой законодательной формулы, американской практике известны и декларативные требования должника: в деле Slaney v. International Amateur Athletic Federation должник по арбитражному решению самостоятельно обратился в федеральный окружной суд с требованием о вынесении декларативного решения о том, что арбитражное решение не подлежит исполнению [12].

4. Законный интерес как недостающий элемент российского регулирования

Сопоставление показывает, что различие между российским случаем и зарубежными аналогами лежит не в допустимости инициативы должника как таковой, а в двух других плоскостях.

Первое различие - вектор обращения. Германское и рассмотренное американское средства носят отрицательный характер: должник просит установить, что решение не подлежит признанию либо исполнению. В деле № А21-4252/2026 должник просил о положительном признании. Формально это противоположные требования, содержательно результат совпал, поскольку отказ в признании по подпункту «b» пункта 2 статьи V Нью-Йоркской конвенции функционально эквивалентен констатации, предусмотренной абзацем вторым § 1061 ZPO. Российский правопорядок пришёл к германскому результату, не располагая германской процедурой.

Второе различие - наличие фильтра. Германская модель ограничивает инициативу должника требованием законного интереса, конкретизированного как интерес в установлении (Feststellungsinteresse) и признаваемого при заявленном вовне притязании взыскателя [10]. Российскому праву такой критерий известен, но лишь в одном производстве: пункт 5 части 5 статьи 245.1 АПК РФ обязывает заинтересованное лицо обосновать нарушение решением его прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [2]. К производству по статьям 241-245 АПК РФ этот критерий не относится, поскольку оно исторически исходило из того, что заявителем выступает взыскатель, чей интерес презюмируется самим фактом вынесения решения в его пользу. Как только эта презумпция отпадает, регулирование остаётся без ограничителя. Суд восполнил пробел ситуативно, использовав конструкцию злоупотребления процессуальным правом, причём применив её не к заявителю, а к взыскателю, возражавшему против рассмотрения заявления [8]. Такое решение обеспечило приемлемый результат в конкретном деле, однако не создаёт воспроизводимого правила: категория злоупотребления оценочна и не заменяет собой предпосылку права на обращение.

Между тем интерес должника в рассмотренном деле поддаётся объективной проверке и удовлетворяет германскому критерию: взыскатель заявлял притязание вовне, добиваясь исполнения в нескольких юрисдикциях, а исполнение в Российской Федерации было поставлено в зависимость от разрешения, которое требовало судебной оценки решения. Бездействие взыскателя внутри страны блокировало должнику возможность правомерного исполнения и одновременно не устраняло риска взыскания за её пределами - это тот самый случай неопределённости, на устранение которой рассчитано германское средство.

Отсутствие фильтра порождает и риски. Во-первых, должник получает возможность выбрать удобный момент для инициирования проверки решения, опередив взыскателя и предопределив исход последующего обращения последнего. Во-вторых, взыскатель оказывается в процессуальном положении лица, возражающего против признания решения, вынесенного в его собственную пользу, что не согласуется с логикой состязательного процесса. Эти риски снимаются не запретом инициативы должника, а установлением условий её допустимости, которые применительно к решениям, не требующим принудительного исполнения, законодатель уже установил. Опасность иного пути описана А.В. Асосковым применительно к смежному институту: необоснованно широкое определение круга сверхимперативных норм ведёт к полному отсутствию предсказуемости и определённости правового регулирования и способно дезорганизовать всю систему коллизионного регулирования [13, гл. 5]. Сказанное справедливо и для процессуальных предпосылок: институт, лишённый ограничителя, перестаёт быть предсказуемым.

Отдельного упоминания заслуживает то обстоятельство, что, признав за должником право на обращение, суд перешёл к оценке соблюдения взыскателем договорного порядка направления уведомлений о дефолте и к анализу применения составом арбитража доктрины эстоппеля [8]. Такая проверка находится в напряжении с принципом запрета пересмотра иностранного решения по существу, который в современной модели экзекватуры признаётся базовым [16, п. 369-370] и не блокирует лишь те полномочия суда, которые служат разрешению вопросов, охватываемых иными основаниями к отказу [16, п. 386].

5. Отечественный аналог: статья 245.1 АПК РФ

Предлагаемое ниже решение не является для российского права принципиально новым. Статья 245.1 АПК РФ, введённая Федеральным законом от 29 декабря 2015 года № 409-ФЗ и действующая с 1 сентября 2016 года [22], устанавливает, что решения иностранных судов и иностранные арбитражные решения, не требующие принудительного исполнения, признаются в Российской Федерации без какого-либо дальнейшего производства, если со стороны заинтересованного лица не поступят возражения (часть 2). Заинтересованное лицо вправе в течение одного месяца после того, как ему стало известно о решении, заявить возражения относительно признания в арбитражный суд по месту своего нахождения либо месту нахождения своего имущества, а при отсутствии того и другого в Российской Федерации - в Арбитражный суд города Москвы (часть 3) [2]. До реформы 2015-2016 годов сходный порядок предусматривался статьями 10 и 11 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 года № 9131-XI [4], признанного тем же Федеральным законом недействующим в части, относящейся к третейскому разбирательству [22].

Существенно, что закон предъявляет к заявлению содержательное требование: наряду с ходатайством об отказе в признании и основаниями для отказа заинтересованное лицо обязано обосновать нарушение этим решением его прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в Российской Федерации (пункт 5 части 5 статьи 245.1 АПК РФ) [2]. Тем самым отечественному правопорядку известны обе

черты, отсутствие которых обнаружилось в деле № А21-4252/2026: инициатива лица, против которого решение может быть использовано, и законный интерес как условие допустимости обращения. Особенность этого производства усматривают в том, что применительно к решениям о признании установлен не предварительный, а последующий судебный контроль [23].

Предмет статьи 245.1 АПК РФ, однако, ограничен решениями, не требующими принудительного исполнения. Решения LCIA, о признании которых просил должник по делу № А21-4252/2026, носили денежный характер, то есть требовали исполнения, и под действие названной статьи не подпадали. Этим и объясняется процессуальная конфигурация дела: собственного средства у должника не было, и он воспользовался заявлением, рассчитанным на взыскателя. Пробел, следовательно, состоит не в отсутствии самой модели, а в её усечённости по предмету: право на обращение поставлено в зависимость от того, требует решение принудительного исполнения или нет, тогда как потребность должника в определённости от этого не зависит.

Обращает на себя внимание и месячный срок, установленный частью 3 статьи 245.1 АПК РФ. Федеральный верховный суд Германии специально обосновал отказ от срока для аналогичного заявления: связанность сроком вынуждала бы должника обращаться в суд, не дожидаясь исхода производства об отмене решения в государстве места арбитража, и порождала бы избыточную двойную загрузку судов [10]. Российский месячный срок, исчисляемый с момента, когда лицу стало известно о решении, этому доводу не отвечает и при расширении предмета производства подлежал бы пересмотру.

В международной практике признание решения, не требующего приведения в исполнение, рассматривается как самостоятельное оборонительное средство, к которому заинтересованная сторона прибегает, чтобы не допустить передачи разрешённого арбитражем спора на рассмотрение государственного суда [15, с. 143]. Признание, таким образом, имеет процессуальную ценность само по себе, а не только как ступень к принудительному исполнению. Российский законодатель признал это в статье 245.1 АПК РФ, но связал доступность производства с характером присуждения, а не с потребностью стороны в определённости.

6. Предложения по совершенствованию законодательства

Изложенное позволяет предложить точечное решение: распространить модель статьи 245.1 АПК РФ на иностранные арбитражные решения, требующие принудительного исполнения. Предлагаемая конструкция включает следующие элементы. Первое: право заявить возражения относительно признания принадлежит стороне арбитражного разбирательства, против которой вынесено решение. Второе: обращение допускается до подачи взыскателем заявления о признании и приведении в исполнение, с момента подачи такого заявления заявление должника подлежит оставлению без рассмотрения ввиду отпадения интереса, поскольку тот же вопрос разрешается в производстве взыскателя. Третье: заявитель обязан обосновать нарушение решением его прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности по правилам пункта 5 части 5 статьи 245.1 АПК РФ; таким нарушением следует признавать, в частности, предъявление решения к исполнению в иностранной юрисдикции и обусловленность разрешительной процедуры судебной оценкой решения. Четвёртое: месячный срок, установленный частью 3 статьи 245.1 АПК РФ, к таким заявлениям применяться не должен либо должен исчисляться с момента, когда взыскатель заявил притязание вовне. Пятое: основания отказа в признании и пределы проверки совпадают с установленными статьёй V Нью-Йоркской конвенции, статьями 243 и 244 АПК РФ. Шестое: вступившее в законную силу определение об отказе в признании исключает последующее удовлетворение заявления взыскателя о признании того же решения.

Одновременно следует устранить текстуальное противоречие между частью 1 статьи 242 и частью 2 статьи 241 АПК РФ, прямо оговорив, что заявление о признании и приведении в исполнение подаётся взыскателем, а заявление об установлении непризнания - должником.

Заключение

1. Дело № А21-4252/2026 фиксирует появление в российской практике процессуального явления, ранее не описанного в отечественной доктрине: производства о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, инициированного должником по этому решению при противодействии взыскателя.

2. Нью-Йоркская конвенция такому обращению не препятствует: статья III относит процедуру признания к праву государства, где оно испрашивается, а формулировка статьи IV описывает процессуальное положение заявителя, но не ограничивает круг управомоченных лиц фигурой взыскателя.

3. Российское регулирование внутренне противоречиво: часть 1 статьи 242 АПК РФ связывает право на обращение с исходом разбирательства, часть 2 статьи 241 АПК РФ - не связывает. Избранное судом толкование в пользу второй нормы не противоречит Конвенции, согласуется с доктринальным прочтением части 2 статьи 241 АПК РФ, ограничивающим круг заявителей сторонами арбитража, и имеет прямой аналог в § 207 раздела 9 Свода законов США.

4. В сравнительно-правовой перспективе обращение должника - известное явление, реализуемое преимущественно в отрицательной форме. Отечественному праву эта форма также известна - по статье 245.1 АПК РФ, однако лишь применительно к решениям, не требующим принудительного исполнения.

5. Недостающим элементом является не сам критерий законного интереса, известный пункту 5 части 5 статьи 245.1 АПК РФ, а его распространение на решения, требующие принудительного исполнения; в рассмотренном деле отсутствие критерия компенсировано оценочной конструкцией злоупотребления процессуальным правом. Восполнить пробел предлагается расширением предмета статьи 245.1 АПК РФ с одновременным пересмотром установленного ею месячного срока.

Практическое значение полученных результатов состоит в том, что они дают ориентир судам при оценке допустимости обращения должника, лицам, находящимся под ограничительными мерами, - при выборе способа легализации платежа в разрешительном порядке, а законодателю - при совершенствовании главы 31 АПК РФ. Теоретическое значение заключается в постановке вопроса о предпосылках права на обращение в производстве о признании иностранных арбитражных решений, до настоящего времени самостоятельной разработки не получившего.

Литература

1. Конвенция Организации Объединённых Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке 10 июня 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8. С. 108-113.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

3. Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Российская газета. 1993. 14 августа. № 156.

4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI «О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей» // Свод законов СССР. Т. 10. С. 159.

5. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Российская газета. 2022. 9 марта. № 49.

6. Указ Президента Российской Федерации от 4 мая 2022 г. № 254 «О временном порядке исполнения финансовых обязательств в сфере корпоративных отношений перед некоторыми иностранными кредиторами» // Российская газета. 2022. 5 мая. № 97.

7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 156 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5.

8. Определение Арбитражного суда Калининградской области от 28 мая 2026 г. по делу № А21-4252/2026. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/d4096d26-407f-4fad-a605-310819ffc8fc (дата обращения: 01.08.2026).

9. Zivilprozessordnung. § 1044 (в редакции, действовавшей до 1 января 1998 г.), § 1059, § 1060, § 1061, § 1062. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/__1061.html (дата обращения: 01.08.2026).

10. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 9. März 2023 - I ZB 33/22. URL: https://rewis.io/urteile/urteil/a5b-09-03-2023-i-zb-3322/ (дата обращения: 01.08.2026).

11. United States Code. Title 9. Arbitration. § 9, § 207. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/9/207 (дата обращения: 01.08.2026).

12. Slaney v. International Amateur Athletic Federation, 244 F.3d 580 (7th Cir. 2001).

13. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 352 с.

14. Канашевский В.А. Международное частное право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2024. 1184 с.

15. Карабельников Б.Р. Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей. Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и главам 30 и 31 АПК РФ 2002 г. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2008.

16. Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб.: Издательский дом С.-Петербургского государственного университета, 2006. 472 с.

17. Нешатаева Т.Н. Международный гражданский процесс: учебное пособие. М.: Дело, 2001. 504 с.

18. Ярков В.В. Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: новые возможности // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 30-31.

19. Born G. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2021.

20. van den Berg A.J. The New York Arbitration Convention of 1958: Towards a Uniform Judicial Interpretation. Deventer: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1981. 466 p.

21. Scherer M. Article III // New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards: Article-by-Article Commentary / ed. by R. Wolff. 2nd ed. München: C.H. Beck; Oxford: Hart; Baden-Baden: Nomos, 2019.

22. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона "О саморегулируемых организациях" в связи с принятием Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 29.

23. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, А.И. Бессонова и др.; под ред. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Статут, 2020. Комментарий к ст. 245.1.

Exequatur on the application of the award debtor: a new phenomenon in the russian practice of recognition of foreign arbitral awards

Shchedrin G.A.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines a procedural phenomenon recorded in the ruling of the Arbitrazh Court of the Kaliningrad Region of 28 May 2026 in case No. A21-4252/2026: the application for recognition and enforcement of a foreign arbitral award was filed by the award debtor, while the award creditor objected to the case being heard by the Russian court. The purpose of the study is to establish whether the debtor may initiate proceedings for the recognition and enforcement of judgments of foreign courts and foreign arbitral awards under the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation, and on what conditions. The author applies formal-legal, comparative-legal and teleological methods, as well as case-law analysis. It is established that the 1958 New York Convention does not confine the range of applicants to the award creditor, referring procedural matters to the law of the State of recognition, whereas Russian domestic regulation contains a contradiction between part 1 of Article 242 and part 2 of Article 241 of the said Code. A comparative analysis of German and United States law shows that a number of legal systems allow the award debtor, the party against whom the award was rendered, to apply to the State court in his own right, yet this is implemented mainly in a negative form: the debtor seeks not recognition of the award, but a declaration that it is not to be recognised. It is demonstrated that Russian law is also familiar with this model: Article 245.1 of the said Code allows an interested person to object to the recognition of a decision that does not require enforcement and requires that person to substantiate the infringement of his rights and legitimate interests. It is concluded that the missing element is not the criterion of legitimate interest as such, but its extension to awards requiring enforcement. It is proposed to broaden the scope of Article 245.1 of the Code and to reconsider the one-month period it establishes.

Keywords: recognition and enforcement, foreign arbitral award, 1958 New York Convention, exequatur, award debtor, declaration of non-recognition, legitimate interest, public policy, restrictive measures.

References

1. United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, 10 June 1958) // Vestnik VAS RF. 1993. No. 8. Pp. 108-113.
2. Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation of 24 July 2002 No. 95-FZ // Sobranie zakonodatelstva RF. 2002. No. 30. Art. 3012.
3. Law of the Russian Federation of 7 July 1993 No. 5338-1 "On International Commercial Arbitration" // Rossiyskaya gazeta. 1993. 14 August. No. 156.
4. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 21 June 1988 No. 9131-XI "On the Recognition and Enforcement in the USSR of Judgments of Foreign Courts and Arbitral Tribunals" // Svod zakonov SSSR. Vol. 10. P. 159.
5. Decree of the President of the Russian Federation of 5 March 2022 No. 95 "On the Temporary Procedure for the Performance of Obligations towards Certain Foreign Creditors" // Rossiyskaya gazeta. 2022. 9 March. No. 49.
6. Decree of the President of the Russian Federation of 4 May 2022 No. 254 "On the Temporary Procedure for the Performance of Financial Obligations in the Sphere of Corporate Relations towards Certain Foreign Creditors" // Rossiyskaya gazeta. 2022. 5 May. No. 97.
7. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation of 26 February 2013 No. 156 // Vestnik VAS RF. 2013. No. 5.
8. Ruling of the Arbitrazh Court of the Kaliningrad Region of 28 May 2026 in case No. A21-4252/2026. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/d4096d26-407f-4fad-a605-310819ffc8fc (accessed: 01.08.2026).
9. Zivilprozessordnung. Sections 1044 (as in force until 1 January 1998), 1059, 1060, 1061, 1062. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/__1061.html (accessed: 01.08.2026).
10. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 9. März 2023 - I ZB 33/22. URL: https://rewis.io/urteile/urteil/a5b-09-03-2023-i-zb-3322/ (accessed: 01.08.2026).
11. United States Code. Title 9. Arbitration. Sections 9, 207. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/9/207 (accessed: 01.08.2026).
12. Slaney v. International Amateur Athletic Federation, 244 F.3d 580 (7th Cir. 2001).
13. Asoskov A.V. Fundamentals of Conflict of Laws. Moscow: Infotropic Media, 2012. 352 p.
14. Kanashevskiy V.A. Private International Law: textbook. 5th ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2024. 1184 p.
15. Karabelnikov B.R. Enforcement and Challenge of Awards of International Commercial Arbitration. Commentary on the 1958 New York Convention and Chapters 30 and 31 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation. 3rd ed. Moscow: Statut, 2008.

16. Krokhalev S.V. The Category of Public Policy in International Civil Procedure. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2006. 472 p.
17. Neshataeva T.N. International Civil Procedure: textbook. Moscow: Delo, 2001. 504 p.
18. Yarkov V.V. Protection of Persons Subject to Restrictive Measures: New Opportunities // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. 2021. No. 8. Pp. 30-31.
19. Born G. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2021.
20. van den Berg A.J. The New York Arbitration Convention of 1958: Towards a Uniform Judicial Interpretation. Deventer: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1981. 466 p.
21. Scherer M. Article III // New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards: Article-by-Article Commentary / ed. by R. Wolff. 2nd ed. Munich: C.H. Beck; Oxford: Hart; Baden-Baden: Nomos, 2019.
22. Federal Law of 29 December 2015 No. 409-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Repeal of Clause 3 of Part 1 of Article 6 of the Federal Law 'On Self-Regulatory Organisations' in Connection with the Adoption of the Federal Law 'On Arbitration (Arbitral Proceedings) in the Russian Federation'" // Sobranie zakonodatelstva RF. 2016. No. 1 (part I). Art. 29.
23. Commentary on the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article) / A.V. Absalyamov, D.B. Abushenko, A.I. Bessonova et al.; ed. by V.V. Yarkov. 4th ed. Moscow: Statut, 2020. Commentary on Article 245.1.